

=====МНЕНИЯ ИСТОРИКОВ О ПРОИСХОЖДЕНИИ СЛАВЯН=====

Существует много гипотез о происхождении славян. Одна из миграционных теорий получила название «дунайской», или «балканской». Появилась она в Средние века, и ее долгое время разделяли историки XVIII – начала XX в. Дунайскую прародину славян признавали С.М. Соловьев, В.О. Ключевский и другие историки. По мнению В.О. Ключевского, славяне переселились с Дуная в Прикарпатье. Он утверждал, что «история России началась в VI в. на северо-восточных предгорьях Карпат». Отсюда часть славян расселилась на восток и северо-восток до Ильмень-озера в VII–VIII вв. К эпохе Средневековья относится появление еще одной миграционной теории происхождения славян, получившей название «скифско-сарматской». Ее последователи утверждали, что предки славян продвинулись из Передней Азии вдоль Черноморского побережья на север и стали известны как «скифы», «сарматы», «аланы», «роксоланы». Постепенно предки славян расселились из Северного Причерноморья на запад и юго-запад.

Оригинальную теорию происхождения славян выдвинул крупный историк и языковед академик А.А. Шахматов. По его мнению, первой прародиной славян был бассейн рек Западной Двины и Нижнего Немана в Прибалтике. Отсюда на рубеже II–III вв. славяне под именем венедов продвинулись на Нижнюю Вислу. Шахматов считал Нижнюю Вислу второй прародиной славян. В противоположность теориям миграционного характера происхождения славян существуют точки зрения, согласно которым славяне являлись коренными жителями тех мест, где они обитали с глубокой древности. Отечественные историки, указывая на сложность процесса возникновения того или иного этноса, в том числе и славянского, подчеркивали, что этот процесс основывается на взаимодействии множества племен с последующим их объединением. Он связан с различными стадиями постепенного культурного и языкового развития. Роль переселений в этом развитии, по мнению этих историков, является второстепенной.

==МНЕНИЯ ИСТОРИКОВ О ПРОБЛЕМЕ ЗАРОЖДЕНИЯ ФЕОДАЛИЗМА==

Время появления феодального землевладения остается в исторической науке предметом споров. Проблема зарождения феодализма и формирования социальных отношений вызвала дискуссии с конца 20-х гг. XX в. и была центральной в работах Б.Д. Грекова, С.В. Юшкова. Изучение этой проблемы в последующие годы Б.А. Рыбаковым, Л.В. Черепниным и другими учеными выявило расхождение в понимании влияния «феодальных факторов» на развитие общества, его структуры, внешних и внутренних условий формирования зависимого населения. Многие разделяют мнение Л.В. Черепнина о разложении первобытнообщинного строя у восточных славян в VIII–IX вв. и постепенном утверждении на протяжении X—первой половины XI в. раннефеодальных отношений. Согласно этой точке зрения, во второй половине XI–XII в. завершается становление всех основных социально-экономических и политических институтов феодального строя. Другая точка зрения связана с именем И.Я. Фроянова, который считает, что в Древнерусском государстве существовало по крайней мере два социально-экономических уклада: свободные общинники и значительный слой рабов. Большинство же историков полагают, что Киевская Русь – раннефеодальное государство, сочетающее в себе элементы феодализма и пережитки первобытнообщинного строя.

=====МНЕНИЯ ИСТОРИКОВ О ОБРАЗОВАНИИ ГОСУДАРСТВА У ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН=====

В исторической науке с XVIII в. не утихают споры об образовании государства у восточных славян. В 30—60-е годы XVIII в. немецкие ученые И.Г. Байер и Г.Ф. Миллер, работавшие в Петербургской Академии наук, в своих трудах впервые попытались доказать, что Древнерусское государство было создано варягами. Этим они положили начало норманнской теории происхождения государства на Руси. Крайним проявлением этой концепции является утверждение, что славяне в силу своей неполноценности не могли создать государства, а без иноземного руководства были не в состоянии управлять им. Против этой теории выступил М.В. Ломоносов, которому императрица Елизавета Петровна поручила написать историю России. С тех пор борьба норманнистов и антинорманнистов (их еще называют славянофилами) не утихает. Норманнисты единодушны в двух принципиальных вопросах. Во-первых, они утверждают, что норманны добились господства над восточными славянами путем внешнего военного захвата или с помощью мирного покорения (приглашения княжить); во-вторых, они считают, что слово «русь» норманнского происхождения. Антинорманнисты же уверены, что это термин доваряжского происхождения, восходящий к глубокой древности. Советские исследователи М.Н. Тихомиров, Д.С. Лихачев считали, что летописная запись о призвании варяжских князей появилась позже, для противопоставления двух государств – Киевской Руси и Византии. Согласно А.А. Шахматову, варяжские дружины стали называться «русью» после того, как они продвинулись на юг, туда, где жили славяне. В настоящее время ясно, что научные результаты этих двух теорий в каком-то смысле являются тупиковыми, так как ни одна из этих школ не может точно определить, какой этнос стоит за названием «русь». В науке существуют разные мнения об основах происхождения государства. В XVIII в. В.Н. Татищев выводил развитие государственной власти из семейной. В дальнейшем этой концепции придерживались и норманнисты, и славянофилы. Позднее многие историки решили, что такой ход государственного строительства на обширной территории со множеством разноязычных народов представляется сомнительным. И.В. Киреевский считал государственность естественным развитием народного быта. По его мнению, маленькие сельские общины сливались в более крупные – областные, племенные и т. д. А из них уже слагалось общее объединение русских земель. В отличие от многих исследователей, И.Я. Фроянов выдвигает концепцию, по которой Русь, по крайней мере до конца X в., – еще не государство, а племенной союз, то есть переходная к государственной организации форма, соответствующая этапу военной демократии. Дань он рассматривает не как вид феодальной ренты, а как военную контрибуцию, наложенную на покоренные племена в пользу наиболее сильных князей. Само же государство (Киевская Русь) вырастает в XI–XII вв. на общинной основе и принимает общинную форму «городских волостей – государств». Князья и знать (как связанная с князьями, так и земская) в своей политической деятельности выражают интересы и потребности значительной части общества таких государств. Взаимодействие князя со своей дружиной и боярами долго сохраняло архаичные черты и во многом носило дофеодальный характер. Л.В. Черепнин предложил концепцию государственного феодализма в Киевской Руси. Он исходил из того, что дань собиралась с крестьянского населения как феодальная рента. Отсутствие феодальных вотчин компенсировалось распределением дани среди дружинников.

=====МНЕНИЯ ИСТОРИКОВ О ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ=====

Как причины, так и сам характер раздробленности исследователи в разное время раскрывали по-разному. Историки досоветского периода говорили не о феодальной раздробленности, а о распаде Киевской Руси как государства. По оценкам Н.М. Карамзина и С.М. Соловьева, этот период был своего рода смутой, «временем темным, молчаливым». В.О. Ключевский, характеризуя Русь того времени, говорил об «удельном строе», часто называл этот период «удельными веками». Эта терминология указывала прежде всего на государственную децентрализацию в результате наследственного деления земель и власти внутри княжеского рода. Он считал, что удельные века – это время переходное, время тяжелых испытаний, следствием которых был переход от Руси Киевской к Руси Московской. Ключевский указывал, что в этот период, несмотря на кризис центральной власти, на северо-востоке Руси шел процесс создания нового этноса – русских на основе единства языка, религии, традиций и менталитета. С укоренением в отечественной исторической науке формационно-классового подхода раздробленность получила определение феодальной, ее стали рассматривать как закономерный этап в поступательном развитии производительных сил, единый для Западной Европы и других стран. Согласно формационной схеме, феодализм предполагает замкнутость хозяйственно-политических структур. Таким образом, главные причины раздробленности сводятся к экономическим (базисным) и выражаются в следующем: 1. Господство замкнутого натурального хозяйства, что было связано с отсутствием товарных, рыночных отношений; 2. Укрепление феодальной вотчины, игравшей организующую роль в развитии сельскохозяйственного производства. Вместе с тем исследователи обращали внимание на то, что на формирование земельных отношений в Древней Руси влияли такие факторы, как наличие общинного землепользования и огромный фонд свободных земель. Это сдерживало процесс феодализации общества, а следовательно, феодальные отношения не столь ощутимо влияли на распад Киевской Руси.

Отечественные историки пытались увидеть в феодальной раздробленности более высокий этап в развитии феодального строя, но вместе с тем не отрицали негативных последствий утраты государственного единства Руси: ожесточенные княжеские усобицы, которые ослабляли Русь перед лицом возраставшей внешней угрозы. С оригинальным объяснением причин раздробления государства выступил Л.Н. Гумилев. По его концепции, оно стало результатом спада пассионарной энергии (стремление к обновлению и развитию) в системе древнерусского этноса.

МНЕНИЯ ИСТОРИКОВ ОБ ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ РУСЬЮ И ОРДОЙ

Одним из самых полемичных в отечественной исторической науке является вопрос об отношениях между Русью и Ордой, о степени тяжести так называемого монголо-татарского ига и его последствиях для хода русской истории. Имеющиеся источники, а вслед за ними и историки описывают несчастья и разорения, обрушившиеся в эти годы на Русь. Русско-ордынские отношения были весьма непростыми, но было бы неверно сводить их только к тотальному давлению на Русь. Н.М. Карамзин первым из историков высказал мысль о наличии определенных положительных для Руси последствий власти Орды, благодаря которым была якобы быстрее изжита раздробленность, возродилась монархия, а Москва, по его мнению, была «обязана своим величием ордынскому хану». В.О. Ключевский также полагал, что без Орды «князья разнесли бы Русь в клочья»

своими усобицами. Большинство историков вслед за С.М. Соловьевым разделяло точку зрения, согласно которой монгольское влияние на Русь было невелико, а разрушения и грабежи, чинившиеся ханами, – не столь уж серьезными. С другой стороны, Н.И. Костомаров и другие исследователи указывали на значительность этого влияния главным образом на русское право и на формирование «единодержавия». Попытку более взвешенного рассмотрения последствий ига предпринял К.Н. Бестужев-Рюмин, который разделил их на «прямые» (убийства, грабежи, разрушения и т. п.) и «косвенные» (задержка культурного развития Руси и ее отрыв от европейской цивилизации), причем последние он считал главными. В советской исторической науке возобладали общая негативная оценка взаимоотношений Орды с Русью. Вместе с тем подчеркивалось, что Русь смогла сохранить свою самобытность и даже государственность, так как прямо не была включена в состав Золотой Орды (А.К. Леонтьев). Негативно влияние монголов на русскую историю оценивает А.Л. Юрганов, но и он признает, что хотя «непокорных унизили и наказывали... те князья, которые охотно подчинялись монголам, как правило, находили с ними общий язык и даже более того – роднились, подолгу гостили в Орде». Имеются и другие мнения. Так, М.В. Нечкина, а затем и другие историки пытались дать «смягченную» оценку монгольского нашествия и последующих лет владычества Орды над Русью. Наиболее ярко позиция по этому вопросу была высказана Л.Н. Гумилевым. Он категорически отвергал само понятие «монголо-татарское иго», называя его мифом. Для большей убедительности своей позиции историки, разделявшие это мнение, обращали внимание, что специфику отношений Орды и Руси составляло то, что угнетение не было прямым: угнетатель жил вдалеке, а не среди покоренного народа. Такая форма зависимости не была направлена на отдельно взятые личные интересы, а связывала их круговой порукой. По мере ослабления Орды угнетение теряло остроту. В современной литературе проблема оценки монгольской и в целом азиатской составляющей русской истории вновь обрела дискуссионный характер в свете концепции «евроазиатской» сущности российской цивилизации.

МНЕНИЯ ИСТОРИКОВ О ВЫБОРЕ МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ

Крупнейший русский историк Г.В. Вернадский писал: «Русь могла погибнуть между двух огней в героической борьбе, но устоять и спастись в борьбе одновременно на два фронта она не могла. Предстояло выбирать между Востоком и Западом». В этой связи разные варианты выбора были представлены деятельностью двух русских князей – Даниила Галицкого и новгородского князя Александра, прозванного Невским. Даниил, по версии Г.В. Вернадского, поначалу лавировал между Западом и монголами. Ему удалось получить поддержку Батые. Однако Даниилу показалось унижительным расположение к нему ордынцев: «злее зла честь татарская», – отразил его чувства летописец. Даниил вступил в переговоры с Папой Римским, рассчитывая на военную помощь Запада. Все было тщетно, Галицкий не смог направлять ход исторических событий и с легкостью открыл Венгрии, Польше и Литве дорогу на Юго-Западную Русь. Г.В. Вернадский писал, что, «используя Даниил с тыла поддержку монгольской силы, – он достиг бы результатов совершенно непредвиденных и необыкновенных. Он мог просто утвердить Русь и Православие в Восточной и Средней Европе». С другой стороны, князь Александр Невский, заручившись дипломатической поддержкой монголов, подавил все попытки немцев и шведов проникнуть в Северо-Восточную Русь. В некоторых публикациях подчинение Александра Орде рассматривается как предательство их христианского мира. Эта позиция является прозападнической.

МНЕНИЯ ИСТОРИКОВ ПО ВОПРОСУ ОБРАЗОВАНИЯ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА

уделяли внимание многие историки. Ему посвятили специальные исследования Л.В. Черепнин, А.М. Сахаров, А.А. Зимин и многие другие. Философов в рассмотрении этой проблемы прежде всего интересовала взаимосвязь русского характера и созданной русскими огромной и могущественной державы. «В душе русского народа, – писал Н.А. Бердяев в сочинении „Русская идея“, – есть такая же необъятность, безграничность, устремленность в бесконечность, как и в русской равнине». Из Руси родилась могучая Россия. Интересную концепцию развития этого процесса предложил крупный русский историк, философ, богослов Г.П. Федотов. В статье «Россия и свобода» он писал, что Москва своим возвышением была обязана татарофильским, предательским действиям своих первых князей, что воссоединение Руси, создание могучего централизованного государства осуществлялось через насильственные захваты территории, вероломные аресты князей-соперников. Да и само «собрание» уделов, считал Федотов, совершалось восточными методами: местное население уводилось в Москву, заменялось пришлыми и чужими людьми, выкорчевывались местные обычаи и традиции. Федотов не отрицал необходимости объединения вокруг Москвы, а говорил о «восточных методах» этого процесса. Если Г.П. Федотов акцентировал внимание на «азиатских формах объединения» Руси, то Н.М. Карамзин – на прогрессивном характере самого акта объединения, на свойствах русского характера. Создание Русского государства для него – результат деятельности отдельных князей и царей, среди которых он особо выделял Ивана III.

В XIX в. историки уже не столь прямолинейно трактовали процессы создания Русского государства, не сводили его к утверждению самодержавной власти, способной одолеть центробежные силы внутри страны и монгольское владычество. Процесс создания централизованного государства в Восточной Руси рассматривался как определенный итог этнического развития народа. Главным было утверждение, что в данный период государственное начало возобладало над вотчинным. Следовательно, развитие государственных институтов власти связывалось с процессами, проходившими в Московской Руси. Само же содержание процесса сводилось к борьбе различных общественно-политических форм и стоявших за ними слоев населения. Эта схема получила воплощение в трудах С.М. Соловьева, который придал ей историческую аргументированность, раскрыв внутренние силы развития русской государственности. В.О. Ключевский и его последователи дополнили эту схему изучением социально-экономических процессов, обратившись к выяснению роли «общественных классов». Русское национальное государство выросло, по мнению В.О. Ключевского, из «удельного порядка», из «вотчины» князей – потомков Даниила Московского. При этом он подчеркивал, что неразборчивость московских князей в политических средствах, их корыстные интересы делали их грозной силой. Тем более что интересы московских правителей совпали с «народными нуждами», связанными с освобождением и обретением независимой государственности. Большое внимание преодолению раздробленности Руси и созданию централизованного государства уделял в своих работах Л.В. Черепнин. В монографии «Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках» он затрагивал малоизученный аспект этой проблемы – социально-экономические процессы, подготовившие объединение Руси. Черепнин подчеркивал, что ликвидация «удельных порядков» заняла длительное время и

растянулась на вторую половину XVI в., а переломным моментом в этом процессе являются 80-е годы XV в. В этот период идет реорганизация административной системы, разработка феодального права, совершенствование вооруженных сил, формирование служилого дворянства, складывание новой формы феодальной собственности на землю – поместной системы, составившей материальную основу дворянской армии. Некоторые историки, рассматривая особенности образования Московского государства, исходят из концепции русского историка М. Довнар-Запольского и американского исследователя Р. Пайпса, создателей концепции «вотчинного государств».

МНЕНИЯ ИСТОРИКОВ О ОСОБЕННОСТЯХ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА В XVI В.

Во всех событиях XVI в. ощущался переломный характер. Поэтому описания данной эпохи очень противоречивы. В изучении особенностей политического развития Русского государства в XVI в. можно выделить несколько наиболее дискуссионных проблем. К середине XIX в. в российской исторической науке твердо установилось отношение к царю Ивану IV как к жестокому и злобному тирану. Н.М. Карамзин дал яркое и цельное представление об эпохе этого царя. Он взял на вооружение концепцию «двух Иванов», созданную современником и самым последовательным оппонентом грозного царя князем Андреем Курбским. Суть ее состоит в том, что первое время царь был «добрым и нарочитым», а затем погряз в жестокостях и грехах. В новейшей историографии преобладают негативные оценки личности и политики Ивана Грозного. Следует заметить, что поражающая воображение жестокость русского царя была обычным явлением даже для Западной Европы того периода и мало чем отличалась от деспотизма европейских дворов.

В отечественной и зарубежной литературе отсутствует единое мнение относительно формы государственного правления, утвердившейся в России. Одни авторы характеризуют ее как сословно-представительную монархию, другие – как сословную монархию. Некоторые определяют политическую систему России этого времени как самодержавие, понимая под ним деспотическую форму абсолютизма, приближающуюся к восточному деспотизму.

На позиции исследователей оказывают влияние следующие обстоятельства. Во-первых, негативное отношение к личности и политике Ивана Грозного, начало которой положил Н.М. Карамзин; во-вторых, неясность, несовпадение смыслов, заключающихся в самих понятиях «самодержавие», «абсолютизм», «восточная деспотия». Наиболее авторитетная позиция состоит в том, что самодержавие XVI в. является русской национальной формой сословной государственности, в сознании народа сильны православные традиции по отношению к мирской власти вообще как к явлению, имеющему сверхъестественную силу. Таким образом, организация государственной власти в России не может быть отождествлена ни с разновидностями восточного деспотизма, ни с европейским абсолютизмом, во всяком случае до реформ Петра I. Схожая ситуация сложилась и в изучении деятельности земских соборов, их формирования, функций, взаимоотношений с царем. Сравнение этого института власти с близкими по характеру и деятельности представительными органами Западной Европы не приводит к согласованию позиций историков, так как содержит взаимоисключающие позиции. Представительные органы в России не имели постоянного состава, четко определенных функций, в отличие от сословно-представительных органов власти

европейских стран. Парламент в Англии и Генеральные штаты во Франции возникли как противовес королевской власти и находились, как правило, в оппозиции к ней, а земские соборы никогда не вступали в конфликт с царем. Эти факты дают возможность некоторым исследователям говорить о неразвитости земских соборов. Споры ведутся о смысле и цели опричнины. Наиболее авторитетным представляется мнение Р.Г. Скрынникова, который отстаивает мысль о том, что опричнина и ее террор не были подчинены единой цели. Начавшись как борьба с прежней правящей элитой – княжатами, опричнина переросла в конфликт между государственной властью и господствующим сословием в целом. Посредством опричнины царь разделил дворянство и натравил одну группу на другую. Итогом этого явилось утверждение неограниченной личной власти, но была утрачена стабильность монархии. Опричнина привела не только к физическому уничтожению людей, но и к тяжелым экономическим последствиям, к разрушению моральных ценностей и устоев общества. Практически все историки видят в опричнине один из факторов, подготовивших Смуту начала XVII века.

МНЕНИЯ ИСТОРИКОВ О СМУТНОМ ВРЕМЕНИ

В дореволюционной историографии за началом XVII в. прочно закрепилось название «Смута», под которым понималось «общее неповиновение, раздор меж народом и властью». Однако происхождение и причины этого явления определялись по-разному. Современники событий, деятели церкви искали первопричины этих испытаний в духовной сфере, грехе гордыни, который явился искушением самовластья, соблазвившим православный народ. Согласно этой точке зрения, Смута – это кара за безбожную жизнь и одновременно мученический венец, давший народу возможность понять силу православной веры. С.М. Соловьев считал Смуту результатом падения народной нравственности и борьбы казачества как антигосударственной силы против прогрессивных государственных порядков. К.С. Аксаков рассматривал Смуту как случайное явление, затронувшее интересы влиятельных людей, которые боролись за власть после пресечения династии Рюриковичей. Н.И. Костомаров обратил внимание на социальные причины Смуты, показывая, что в ней повинны все слои русского общества, но главной причиной считал интриги папства, иезуитов и польскую интервенцию. В.О. Ключевский изучал в основном социальные аспекты Смуты. По его мнению, общество находилось в состоянии социальной неустойчивости из-за борьбы всех его слоев за лучшее для себя соотношение между обязанностями и привилегиями. С.Ф. Платонов тоже не рассматривал социальный кризис как причину и сущность Смуты. Он не считал определяющей для понимания этих явлений борьбу внутри господствующего сословия русского общества. В советской историографии термин «Смута» не использовался. Этот период определялся как социальный конфликт, центральное место в котором занимали крестьянская война под предводительством И. Болотникова и иностранная интервенция. В современной исторической литературе термин «Смута» используется достаточно широко, но в осмысление этих событий почти ничего нового, не привнесено если не считать попытку связать события начала XVII в. с идеей первого системного кризиса российского общества, по своему развитию похожего на гражданскую войну.

МНЕНИЯ ИСТОРИКОВ О КРЕПОСТНОМ ПРАВЕ

Проблема крепостничества и крепостного права в России является одной из наиболее сложных в отечественной историографии. В.О. Ключевский считал крепостное право

«сложным институтом, который трудно поддается точному определению». В дореволюционной историографии существовали «указная» и «безуказная» теории возникновения крепостного права. В советской исторической науке, начиная с Б.Д. Грекова, утверждается концепция постепенного зарождения и развития крепостного права со времен «Русской Правды» и через Судебники XV–XVI вв. до Соборного уложения 1649 г. В дальнейшем большинство историков относили начало этого процесса не ранее, чем к концу XV в. Некоторые из них в качестве компромисса стали использовать два понятия, вкладывая в них разный смысл: «крепостничество» – проявление внеэкономического принуждения на разных этапах феодализма и «крепостное право» – прикрепление крестьян к земле феодала, отразившееся в законодательстве. Роль крепостного права в России оценивалась неоднозначно. Подчеркивалось, что оно помогало государству в восстановлении и подъеме экономики, регулировании процесса колонизации огромной территории и решении внешнеполитических задач, но, с другой стороны, это явление консервировало на долгие десятилетия неэффективные социально-экономические отношения.

МНЕНИЯ ИСТОРИКОВ О ПЕТРЕ I

Не только историки, но еще современники Петра прямо противоположно оценивали личность царя, его преобразования, их характер и результаты. Для одних он был великим реформатором, превратившим Россию в мощную европейскую державу. Другие считали его отступником православия, Антихристом, насаждавшим матушке-Руси чуждые заморские порядки. В дальнейшем историки также неоднозначно оценивали Петра и его деятельность. Так, Н.М. Карамзин порицал царя-реформатора за попрание русских обычаев. Славянофилы утверждали, что Петр своими реформами заставил Россию свернуть с естественного пути развития. С.М. Соловьев и В.О. Ключевский, наоборот, давали однозначно положительную оценку его преобразовательной деятельности, приписывая все успехи, достигнутые как внутри страны, так и во внешней политике, кипучей натуре Петра. В XX в. поэт М. Волошин за крутую ломку всех устоев русской жизни назвал Петра «первым большевиком». Большинство советских и современных историков (например, наиболее известные специалисты по Петровской эпохе Н.И. Павленко и К.В. Анисимов) с некоторыми оговорками положительно оценивают преобразовательную деятельность Петра. Мнения историков расходятся по проблемам, связанным в основном с закономерным характером петровских преобразований: в какой степени реформаторская деятельность царя была подготовлена всем предыдущим развитием России; были ли реформы только реакцией на внешнеполитическую ситуацию или носили более целенаправленный и продуманный характер. В современной историографии дискутируется также вопрос: насколько цели реформаторской деятельности соответствовали человеческим, духовным и материальным жертвам, принесенным страной на алтарь преобразований?

МНЕНИЯ ИСТОРИКОВ О ЭПОХЕ ДВОРЦОВЫХ ПЕРЕВОРОТОВ

С легкой руки В.О. Ключевского вторую четверть XVIII в. стали называть эпохой дворцовых переворотов (см. Дворцовых переворотов эпоха). В изображении русских и советских историков (С.М. Соловьев, С.Ф. Платонов, Н.Я. Эйдельман и др.) этот период был значительным шагом назад в развитии русской государственности по сравнению с кипучей деятельностью Петра. Правительницы и правители этой эпохи в исторических трудах казались ничтожествами по сравнению с мощной фигурой царя-реформатора. В

характеристику эпохи дворцовых переворотов входили представления об ослаблении абсолютизма, засилье иностранцев во времена обеих Анн, преувеличенной роли гвардии в решении политических вопросов, патриотических мотивах переворота Елизаветы Петровны. Бироновщина, например, трактовалась как особо свирепый режим, сходный с опричниной Ивана Грозного. В работах современных историков (Д.Н. Шанский, Е.В. Анисимов, А.Б. Каменский) намечается отказ от таких однозначных оценок, признание, хотя и противоречивого, развития русской государственности.

МНЕНИЯ ИСТОРИКОВ О ЛИЧНОСТИ ПЕТРА III

В дореволюционной русской историографии личность и деятельность Петра III единодушно оценивались крайне негативно. Этому долгое время способствовала официальная позиция властей в отношении Петра III. Советская историография вообще уделяла мало внимания личности монархов, считая степень их участия в управлении государством и их личные качества второстепенными в определении общей политики Российской империи. Попытки ряда современных отечественных и зарубежных историков придать личности Петра III более симпатичные черты, отмечая его увлечение игрой на скрипке и итальянской музыкой, любовь к живописи, простоту обращения с подданными и т. п., не могут, по всей видимости, изменить в лучшую сторону образ этого царя.

МНЕНИЯ ИСТОРИКОВ О ЕКАТЕРИНИНСКОЙ ЭПОХЕ

Большинство дореволюционных историков считали вторую половину XVIII в. «золотым веком» Российской империи и рассматривали это время как важный этап в развитии российской государственности и дальнейшей европеизации страны. В исторической литературе этот период русской истории также получил название «просвещенного абсолютизма». Так оценивали екатерининскую эпоху, например, Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, А.С. Лаппо-Данилевский. Более критичную позицию занимали В.О. Ключевский, А.А. Кизиветтер, В.И. Семевский. В исследованиях советских историков основное внимание уделялось продворянскому характеру политики правительства Екатерины II, усилению крепостного права и полицейских функций государства, сопротивлению крестьянства крепостнической политике самодержавия. Просвещенный абсолютизм Екатерины рассматривался как демагогия и лавирование в условиях разложения феодально-крепостнического строя. Современный взгляд на екатерининскую эпоху освободился от «классового подхода» и стал более взвешенным, учитывающим характер эпохи. В частности, в работах А.Б. Каменского и Н.И. Павленко взгляд на этот период в истории России весьма близок к оценкам дореволюционных историков. Личность и деятельность самой Екатерины II, правившей Россией 34 года, оценивалась современниками и потомками также различно, порой даже диаметрально противоположно. Если нравственный облик императрицы в целом укладывается в слова В.О. Ключевского: «Проходим молчанием отзывы о нравственном характере Екатерины, которых нельзя читать без скорбного вздоха», то ее вклад во внутреннюю и внешнюю политику вызывает споры по настоящее время. По-разному, например, трактуется понятие «просвещенного абсолютизма». Некоторые историки предпочитают называть его «просвещенным деспотизмом», а Екатерину – «просвещенным деспотом», и вообще ставится вопрос: применимо ли понятие «просвещенного абсолютизма» к правлению Екатерины?

В годы правления Екатерины II своего наивысшего расцвета достигает имперский

характер России. Среди историков ведутся споры, насколько империя как форма организации человеческого сообщества отвечала интересам ее многонационального населения. Ряд историков считают, что империя являлась искусственным образованием, основанным на страхе покоренного населения и ее военной мощи. Другие придерживаются прямо противоположного мнения, отмечая, что такая форма государственности подрывала национальную обособленность населяющих ее народов и способствовала включению их в единый мировой процесс. Позднее император Николай I сказал: «Немец, финляндец, татарин, грузин – вот что такое Россия».

МНЕНИЯ ИСТОРИКОВ О ЦАРСТВОВАНИИ ПАВЛА I

Большинство дореволюционных историков определяли этот период как «царство страха», когда борьба с сословными привилегиями привела к резкому ограничению элементарных человеческих прав, а порядок и дисциплина зависели от каприза самодержца. Политику Павла характеризовали как желание все делать наперекор Екатерине. Ряд историков даже считали Павла Петровича сумасшедшим (С.Ф. Платонов, М.К. Любавский и др.). Хотя высказывался и прямо противоположный взгляд. Д.А. Милютин отмечал значение военных реформ Павла в наведении порядка в управлении армией.

М.В. Ключков рисовал облик Павла как благородного рыцаря, защитника простого народа, которого невзлюбило дворянство. Некоторый романтический флер личности Павла придавало его увлечение средневековым рыцарством, а также прямые аналогии между ним и шекспировским Гамлетом («русский Гамлет» – это о нем). Советская историография, отмечая эксцентричность в поведении Павла, отвергая дореволюционную точку зрения на широкий характер репрессий в отношении дворянства, в целом считала правительственную политику того времени продолжением прежней, продворянской и крепостнической, хотя и несколькими иными средствами (С.Б. Окунь). Н.Я. Эйдельман называл политику Павла «непросвещенным абсолютизмом». Ряд современных историков (Е.В. Анисимов, Е.В. Каменский) политику Павла рассматривают как противоречивую, а самого императора – как одну из самых загадочных фигур русской истории. Появились и явно апологические работы, например, Г.Л. Оболенского.

МНЕНИЯ ИСТОРИКОВ ОБ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 Г.

Мнения историков об исходе Бородинского сражения также были неоднозначны. Французский историк середины XIX в. Ж. Мишле считал, что победу одержала французская армия, хотя при этом отмечал, что она была неполной и Наполеон не воспользовался ее плодами. Советский историк М.Н. Покровский писал, что русская армия в битве при Бородине смогла добиться лишь того, что не была разгромлена наголову. С.Б. Окунь, наоборот, считал, что Бородинское сражение явилось выдающейся победой России, а А.З. Манфред отмечал только нравственный характер победы русских войск. Нет единства во взглядах на исход Бородина и сегодня. И.А. Троицкий подчеркивает, что Наполеон не решил главной задачи при Бородине – не сумел окончательно разгромить русскую армию. Б.С. Абалихин придерживается взгляда о ничейном исходе Бородинского сражения. А.А. Васильев определяет исход битвы как тактическую победу французов. Отступление французов. Между тем, оставив Москву, русская армия совершила блестящий тарутинский маневр, позволивший ей оторваться от преследования французского авангарда и разбить основной лагерь в Тарутино, куда

стали подходить новые резервы. Кроме того, находясь в Тарутино, русская армия прикрывала Калугу и Тулу, где были сосредоточены продовольствие и вооружение. Наполеон оказался в тупике. Он не мог продолжить наступление на Санкт-Петербург, который прикрывали войска Витгенштейна. В тылу французов находился Кутузов. В самой же Москве, опустошенной сильными пожарами, сидеть не имело смысла: надвигалась зима; продовольствие и резервы поступали в голодную Москву с большим трудом – развернувшаяся партизанская война нарушала французские коммуникации. 7 октября французы оставили Москву и двинулись по Калужской дороге к Смоленску, где, как предполагал Наполеон, находились большие запасы продовольствия. У Малоярославца русская армия преградила дорогу французам. Здесь 12 октября произошло ожесточенное сражение. Город 8 раз переходил из рук в руки, и в конечном итоге французы вынуждены были повернуть на разоренную Смоленскую дорогу и отходить к Смоленску, испытывая трудности с продовольствием и обмундированием. Контрнаступление русская армия начала параллельно по тем дорогам, где у нее были резервы продовольствия и вооружения. Сильно поредевшая французская армия с трудом добралась до Смоленска, а далее уже четырьмя колоннами стала уходить из России. Завершила поход Наполеона трагическая переправа через Березину (19 ноября), где французы только погибшими потеряли более 20 тыс. Из 600-тысячной армии, вторгшейся в июне в Россию, на родину разными путями добралось не более 30 тыс. С изгнанием французов из пределов России начался заграничный поход русской армии, завершившийся ее вступлением в Париж.

МНЕНИЯ ИСТОРИКОВ О АЛЕКСАНДРЕ I

В русской и советской историографии главный спор велся по вопросам о том, насколько искренен и серьезен был император Александр в своих либеральных устремлениях и какие цели он при этом преследовал; почему большинство из задуманных реформ первой четверти XIX в. не были реализованы. Причем, если дореволюционные историки во многом связывали крах реформаторской деятельности с господством рабских отношений в России того времени (В.О. Ключевский) или с личными качествами Александра (С.Ф. Платонов), то большинство советских историков полагали, что либеральные взгляды и планы реформ Александра либо являлись прикрытием консервативной политики, либо, в конечном итоге, служили укреплению крепостнических порядков. Так, С.Б. Окунь отмечал, что только конкретные обстоятельства в начале XIX в. заставляли царизм встать на путь внешнего либерализма и разговоры о неприемлемости самовластия должны были в конечном итоге способствовать укреплению абсолютизма. Характерное для дореволюционной историографии противопоставление двух периодов правления Александра – либерального и консервативного – многие советские историки вообще отвергали (А.В. Предтеченский, Н.П. Еропкин, А.П. Бажова), считая политику правительства Александра в целом не менее реакционной, чем политика его отца. Современные же исследователи, в частности С.В. Мироненко, М.М. Сафонов, считают либерализм и увлечение Александра конституционными планами весьма серьезными.

МНЕНИЯ ИСТОРИКОВ О ВОССТАНИИ ДЕКАБРИСТОВ

Дореволюционные историки характеризовали восстание декабристов как мятеж, военный заговор или оценивали его как попытку верхушечного переворота группы молодых офицеров, целью которого было установление конституционной монархии, а

радикальной части движения – даже и республиканского строя в России (Н.К. Шильдер, С.Ф. Платонов). В советской историографии военное выступление декабристов определялось как начало революционного движения в России. Согласно ленинской периодизации, это был первый, дворянский, этап революционного движения, закончившийся поражением из-за классовой ограниченности дворянских революционеров, которые были «слишком далеки от народа». М.В. Нечкина, Н.М. Дружинин и другие советские историки анализировали истоки, характер и причины поражения восстания 14 декабря 1825 г., основываясь на ленинской периодизации революционного движения. Позднее Н.Я. Эйдельман рассматривал восстание декабристов как своеобразную попытку «революции сверху», направленную на модернизацию России. Современные историки рассматривают движение в неразрывной связи с той частью русского общества первой четверти XIX в., которая осознала необходимость модернизации страны. На него повлияли те либеральные идеи, которые исповедовал в начале царствования Александр I, но которые остались пустыми разговорами, особенно нетерпимыми в условиях аракчеевщины. Отмечается также, что определенную роль в движении декабристов сыграл их романтизм и честолюбивые устремления (Е.В. Анисимов, А.Б. Каменский).

МНЕНИЯ ИСТОРИКОВ О ПРАВЛЕНИИ НИКОЛАЯ I

Время правления Николая I историки называют апогеем самодержавия (А.Е. Пресняков). Русская историография в целом определяла николаевское правление как консервативно-охранительное, при этом отмечая все-таки стремление царя к определенной реформаторской деятельности. Причины же провала всех преобразований Николая виделись в опоре на бюрократию (А.А. Кизиветтер, А.А. Корнилов, С.Ф. Платонов).

Советские историки однозначно трактовали николаевский режим как время самой свирепой и темной реакции, а царя – как тупого гонителя всякого прогресса (см., например, «История СССР с древнейших времен»). При этом за рамками исследования оставался анализ реальных возможностей правительства Николая I.

ОЦЕНКА ПРАВЛЕНИЯ АЛЕКСАНДРА II

М. Палеолог пишет: «Порой им овладевала тяжелая меланхолия, доходившая до глубокого отчаяния. Власть его более не интересовала; все то, что он пытался осуществить, кончалось неудачей. Никто из других монархов не желал более счастья своему народу: он уничтожил рабство, отменил телесные наказания, провел во всех областях правления мудрые и либеральные реформы. В отличие от других царей, он никогда не стремился к кровавым лаврам славы. Сколько усилий потратил он, чтобы избежать турецкой войны... И после ее окончания он предотвратил новое военное столкновение... Что получил он в награду за все это? Со всех концов России поступали к нему донесения губернаторов, что народ, обманутый в своих чаяниях, во всем винил царя. А полицейские донесения сообщали об угрожающем росте революционного брожения».

Он имел смелость и разумность отменить крепостное право и приступить к строительству правового государства, но при этом оставался фактически пленником той системы, фундамент которой начал упразднять своими реформами», – пишет Л. Захарова.

Многие современники и ряд историков утверждали, что действительного освобождения крестьян не произошло (был создан лишь механизм такого освобождения, причем несправедливый); не были отменены телесные наказания в отношении крестьян (которые сохранялись вплоть до 1904—1905 гг.[75]); учреждение земств привело к дискриминации низших сословий; судебная реформа не смогла воспрепятствовать росту судебного и полицейского произвола. **Кроме того, по мнению специалистов по аграрному вопросу, крестьянская реформа 1861 года привела к возникновению серьезных новых проблем (помещичьи отрезки, разорение крестьян), которые стали одной из причин будущих революций 1905 и 1917 года.**

ОЦЕНКА ПРАВЛЕНИЯ АЛЕКСАНДРА III

С. Ф. Платонов главную цель политики Александра III видел в укреплении авторитета верховной власти и государственного порядка, усилении надзора и влияния правительства, в связи с чем «пересматривались и улучшались» законы и учреждения, созданные в эпоху Великих реформ. Введенные ограничения в сфере суда и общественного самоуправления сообщили политике Александра III «строго охранительный и реакционный характер», однако эта отрицательная сторона правительственного курса уравнивается у С. Ф. Платонова серьезными мерами по улучшению положения сословий — дворянства, крестьянства и рабочих, а также хорошими результатами в области упорядочения финансов и развития государственного хозяйства.

Оценка эпохе Александра III была дана также Г. В. Плехановым в статье «Царствование Александра III». Данный период характеризовался автором как время дворянской реакции. Кроме того, Плеханов доказывал наличие непосредственного влияния буржуазии на правительственную политику самодержавия, якобы буржуазия диктовала министру финансов свои пожелания.

В современной науке есть и работы, апологетически оценивающие деятельность Александра III. Так, А. Н. Боханов считает, что император не затевал «никакого курса контрреформ», само это понятие «изобрели» «хулители» царя и оно «просто лишено исторического смысла».

ОЦЕНКИ НИКОЛАЯ ВТОРОГО

В историографии сложилось два основных подхода - критический и апологетический. Критический подход - отрицательная оценка внутри- и внешнеполитической деятельности - был характерен для либеральной и революционной публицистики и советской историографии. Николай Второй рассматривался как защитник классовых интересов разлагающегося дворянства, противодействующий прогрессивному течению исторического процесса. Эта консервативная политика привела к социальному взрыву чудовищной силы.

Эмигрантские историки (С.Ольденбург, Е. Алферьев и др.) создали образ Николая как дальновидного политика, служившего интересам не отдельного класса, а всей России. Противодействие императора политической оппозиции и политическому реформированию рассматривали не как проявление реакции, а как проявление прозорливости императора, понимавшего, какая опасность слева грозит стране.

В современной историографии оценка Николая Второго по-прежнему политизирована и соотносится с тем, как историк относится к революционным событиям начала 20 в.: как прогрессивным событиям или национальной трагедии.

Большинство современных исследователей (Б. Ананьич, Р.Ганелин, А. Искендеров), не отказывая императору в обладании рядом личных достоинств, полагают, что он в сложившейся политической ситуации не смог принять верные государственные решения и вывести страну из кризиса. Противоположной точки зрения придерживаются такие авторы как А. Боханов, О. Платонов, В. Мультигули, представители православной церкви. Их аргументы в пользу высочайшей оценки Николая Второго как государственного деятеля, в основном, заключаются в констатации экономических, культурных успехов России. А. Боханов пишет: " Промышленность работала на полную мощность, сельское хозяйство динамично развивалось, и каждый год приносил все большие урожаи. Росло благосостояние, и покупательная способность населения увеличивалась год от года. Началось перевооружение армии, еще несколько лет – и русская военная мощь станет первой силой в мире“

А. Боханову вторит О. Платонов: В области искусства и науки русскими людьми в царствование Николая II были достигнуты такие гигантские успехи, что об этом периоде следует говорить как о золотом веке Русской цивилизации...

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ ОКТЯБРЯ 1917 Г.

События Октября 1917 г. до сих пор вызывают споры и неоднозначные оценки в обществе. В исторической науке также существуют различные точки зрения и оценки по этому поводу.

Американский ученый Р. Пайпс считает Октябрь 1917 г. переворотом, путем большевиков. Но большинство историков считают это революцией. В отличие от переворота, революции не делаются заговорщиками. Революция – это массовое народное движение, которое невозможно вызвать чьей-то единоличной или групповой субъективной волей. Группа революционеров может понять стремление народа, использовать и направить в определенное русло.

Точка зрения американского ученого по вопросу оценки Октябрьской революции. А.Е. Рабинович — профессор Индианского университета (США), историк и политолог — считает Октябрьскую революцию одним из самых главных событий XX в. По его мнению, она стала поворотным пунктом в истории не только самой России, но и оказала в нашем столетии огромное влияние, как позитивное, так и негативное, на судьбы Европы. В частности, страх перед коммунизмом дал возможность определенным кругам в Германии привести к власти Гитлера. Что же касается второй части вопроса — был ли Октябрь трагедией, то он с определенностью утверждает, что нет.

На наш взгляд, наиболее точную и научно обоснованную характеристику Октябрьской революции 1917 г. дал российский историк В.П. Дмитренко. Он представлял революцию как сложное, многоуровневое, многоликое историческое явление, сочетавшее в себе аграрный, пролетарско-бедняцкий, национально-освободительный, антивоенный и общедемократический типы революции. Каждый из этих типов имел свои закономерности и свой уровень противоречий.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ 1917 - 1922 Г.

До недавнего времени гражданская война воспринималась обществом благодаря идеологизированным взглядам историков, как единый гражданский порыв на защиту молодой советской республики. При этом умышленно умалчивались другие факты, свидетельствующие о многосложности и противоречивости этого мрачного события.

В результате исследований гражданские войны сегодня у историков возникает ряд вопросов, в которых выражается сомнение по поводу неизбежности войны, ее истинных виновников, всего того, что официальной пропагандой признавалось за незыблемую достоверность.

Ленинская оценка гражданской войны, как самой справедливой в истории человечества, сегодня отвергается наукой, которая признает ее как братоубийственную.

Современная историография и публицистика включают в себя широкий спектр подходов и концепций по проблемам гражданской войны. Г. Иоффе высказал мнение, что "фатальной неотвратимости гражданской войны не существовало. Выбор был в руках политических партий, прежде всего их лидеров". По его мнению, большевики сами способствовали возникновению фундамента, "на котором развернулось мощное антибольшевистское движение". Позиций, подобных или близких, придерживаются историки В.А. Алексеев, С.И. Константинов, С.М. Смагина, Т. Осипова, Ю. Симченко и др. Работающий в США исследователь Ю. Фельштинский суть гражданской войны объясняет авантюризмом большевиков их бесцеремонностью в выборе политических средств. Их политику он называет "безумием во имя идеи".

Философ и публицист А.С. Ципко в большой серии публикаций доказывает, что большевики в 1917-1921 гг. "для достижения своих политических целей играли с потерявшей разум толпой", что они "эксплуатировали недовольство масс, их зависть, злобу, умственную и духовную неразвитость... сделали ставку на бунт, бессмысленный и жестокий, жаждали классового пожара в России... они ждали этого взрыва революционности, тосковали по революции, она была делом их жизни... Они лукавили, когда обещали землю, ибо у них и в мыслях не было, чтобы жить рядом с крестьянином-частником... по своему восприятию мира, умению думать они были очень близки невежественным массам, о новом чуде мечтавшим... Ложность исходной идеи вела к абсолютизации насилия. А постоянное перманентное насилие требовало постоянной лжи в свое оправдание". Под исходной идеей большевиков Ципко подразумевает идею "непрерывности" революции. (Кстати говоря, критика теории перманентной революции под видом критики взглядов Троцкого началась еще в 20-е и развернулась в 30-е гг.).

Писатели А. Знаменский, В. Солоухин, публицисты Г. Назаров, В. Михайлов, Е. Лосев, В. Кожин, М. Мирошниченко считают гражданскую войну результатом резкой активизации антигосударственных, антипатриотических сил, среди которых они выделяют евреев, занимавших ведущие посты в большевистском партийно-государственном аппарате.

Историк В. Бортневский высказался так: "Считаю логичным утверждать, что гражданская война в России была и подвигом, и трагедией, как для победителей, так и для побежденных".

НЭП

История России в 20-е гг. долгое время не являлась предметом специального изучения в отечественной историографии. Когда в 30-е гг. закладывались основы марксистской концепции истории советского общества, в официальной историографии сложилось негативное отношение к нэпу, задачи которой понимались очень узко - восстановить разрушенное в империалистической и гражданской войнах хозяйство России. В связи с этим уже в "Кратком курсе истории ВКП (б)" Нэп трактовался как отступление, вынужденный отход от социалистических принципов хозяйствования. Впервые научный интерес к нэпу проявился в отечественной историографии в 60-е гг. в

связи с проведением экономических реформ. В ходе научных дискуссий о нэпе, а также в работах Э. Б. Генкиной, Ю. А. Полякова, М. Н. Черноморского, В. П. Дмитренко, Л. Ф. Морозова, В. А. Цибульского наряду с проблемой периодизации нэпа, в частности в связи с попыткой отодвинуть ее начальную грань в 1920 г., было сформировано понимание нэпа, как политики, рассчитанной на весь переходный от капитализма к социализму период, главной целью которой являлось установление союза между рабочим классом и трудящимся крестьянством. Подчеркивалась роль В. И. Ленина в разработке новой экономической политики и усилия Коммунистической партии по ее безусловной реализации.

После того как М. С. Горбачев в своем выступлении в связи с 70-летием Октябрьской революции дал положительную оценку деятельности Н. И. Бухарина в литературе по истории Советской России в 20-е гг. стала пропагандироваться идея об альтернативности общественного развития в эти годы. В связи с этим тщательно анализировался опыт новой экономической политики и ее эффективность. В работах публицистов, экономистов и части историков в оценке нэпа преобладали идеологические моменты, желание "осовременить" нэп, приписать ей только положительные черты. Л. Воскресенский, В. П. Данилов, О. Р. Лацис, В. Попов, Н. Шмелев, Ю. Голанд идеализировали нэп, высоко оценивали деятельность Н. И. Бухарина по пропаганде идей нэпа после смерти В. И. Ленина, писали об экономической эффективности нэпа и возможности ее продолжения и в дальнейшем. Всю вину за свертывание нэпа возлагали на И. В. Сталина и его ближайшее окружение. Во многом эта точка зрения на нэп как на главную альтернативу сталинизма развивалась в книгах о Н. И. Бухарине, которые вышли в связи со 100-летием со дня его рождения. С. Коэн, Н. Горелов, Ю. Емельянов и др. находили в деятельности Н. И. Бухарина только положительные черты, называли его верным ленинцем и главным защитником идей новой экономической политики.

О слабой экономической эффективности нэпа и ее ограниченности пишет французский историк Н. Верт, книга которого недавно издана в России и рекомендована в качестве учебного пособия для вузов страны.

ВОВ

Вся советская историография истории Великой Отечественной войны делала акцент на описании чисто военных проблем. При этом каждый советский лидер пытался именно себя поставить в центр военных событий, ибо рассматривал свою роль в истории Великой Отечественной войны как своеобразный пьедестал, позволяющий ему претендовать на политическое лидерство. Поэтому вся историография, вышедшая до середины 80-х гг., являлась очень субъективной и конъюнктурной. Несмотря на обилие литературы, посвященной истории Великой Отечественной войны, смысл историографии 40-х - первой половины 80-х гг. можно понять по таким обобщающим работам: И. В. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. 1946; Очерки истории Великой Отечественной войны (1941-1945). 1955; История Великой Отечественной войны советского народа в 1941-1945 гг. в 6 т. 1960-1965; История второй мировой войны. 1939-1945 гг. в 12 т. 1973-1982.

Современную историографию Великой Отечественной войны можно разделить на три направления. Два из них рассматривают историю войны как полигон для сведения политических счетов и выбирают из нее лишь те факты, которые позволяют обосновать их радикальные взгляды. Небольшая группа исследователей уже проделала большую

работу для освещения тех "белых пятен", которые существовали в предшествующей историографии. К ним можно отнести историков А. М. Самсонова, Д. А. Волкогонова, публицистов и писателей В. В. Карпова, В. Д. Успенского и др., усилиями которых прояснены многие аспекты военно-политической истории Великой Отечественной войны. Слабой стороной современной отечественной историографии является отсутствие интереса к изучению внутри- и внешнеполитических проблем истории войны, состояния советской экономики, роли тыла в войне. Определенную помощь в освещении этих проблем оказывают западные исследователи истории войны.